

А.Н. Я м с к о в

О СПЕЦИФИКЕ РОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИИ И ЕЕ ВОСПРИЯТИИ ГЕОГРАФАМИ

Предложение высказаться, в том числе о том, как ныне в нашем обществе воспринимается этнография, первоначально поставило меня в тупик, ибо крайне сложно определить, какую именно часть российского общества будут в итоге иметь в виду участники разговора. Полагаю, что дискуссия, заданная в столь широких рамках, может вообще оказаться малопродуктивной, так как современное российское общество весьма разнородно и различные социально-профессиональные и возрастные категории населения относятся к этнографам и этнографии по-разному, а то и вовсе никак вследствие своего низкого уровня образования и объективно очень низкого институционального статуса этой дисциплины в СССР и России.

Вместе с тем опыт преподавания в течение 7 лет на географическом факультете Московского государственного педагогического университета и общения на постоянно действующих научных семинарах с коллегами, занимающимися изучением эколого-географической и историко-экологической проблематики на географическом факультете МГУ, экологическом факультете Московского независимого эколого-политологического университета, в Институте географии РАН и Институте истории естествознания и техники РАН, позволяет мне, как кажется, попытаться сформулировать свое субъективное представление о том, как воспринимают этнографию большинство специалистов и студентов с географическим образованием.

Начнем с моих представлений о том, что обычно думают об этнографии в указанной части российского общества. Подчеркну, что в силу национальной специфики организации среднего и высшего образования в нашей стране с середины XX в. профессия учителя-географа является массовой и подготовка специалистов по этой специальности ведется практически в каждом педагогическом вузе или университете, т.е. в большинстве областных и республиканских центров страны, а географию дети изучают начиная с 6 класса и до выпускного 11 класса. Экологическая тематика в России также в основном изучается и преподается специалистами с географическим образованием.

Стереотип этнографии в среде географов определяется явным интересом к ней при отсутствии серьезных знаний в этой области. Поэтому за этнографию чаще всего принимают фольклористику и сбор и экспонирование коллекций из объектов материальной культуры, т.е. изучение частушек, свадебных или похоронных песен, собиране лаптей, прялок и т.п. Иначе говоря, образ этнографа объединяет в себе забавного Шурика из “Кавказской пленницы”, собиравшего “сказки и тосты”, и энтузиастов из школьных или областных краеведческих музеев, отыскивающих и выставляющих предметы старинного быта. Однако это касается только образа “официальной этнографии”. Наряду с ней с конца 1980-х годов для 99% географов страны ведущим этнографом, хотя и незаслуженно гонимым официальной наукой, является Лев Николаевич Гумилев, а этнографией/этнологией в этом случае считается изучение причин и последствий “пассионарных толчков” для этногенеза, форм взаимодействия этносов друг с другом (по всему экологическому спектру, от симбиоза до конкуренции и паразитизма), временных стадий существования этноса, в том

числе проявлений “надлома” или и т.п. Даже если попытаться на время отвлечься от сути “учения Л.Н. Гумилева” об этносе, то окажется, что в этом случае этнография по сути растворяется в истории народов, а этнограф становится мало чем отличим от историка, по крайней мере, с точки зрения используемых им источников информации и временных рамок исследования.

Итак, долгое время в *описываемой среде плохо знали этнографию*, а в последние полтора десятилетия и вовсе начали воспринимать ее в духе Л.Н. Гумилева. При этом географы изучают и преподают в школе этнический состав населения и расселение народов, а в последние годы – этнические конфликты и их воздействие на миграции. Поэтому сложился парадокс: об этнических общностях, динамике их численности и расселения, формах взаимодействия друг с другом, географы говорят много и часто, но о том, что такое этнос или этничность, в чем специфика и условность этнической статистики (например, что такое “новые” народы России в переписи 2002 г.), они либо мало задумываются, либо апеллируют к Гумилеву. Вместе с тем этнические конфликты, сопровождавшие распад СССР, сделали производные от “этноса” понятия хорошо известными подавляющему большинству населения страны, и в этом контексте одной из важнейших задач этнографии/этнологии многие географы стали считать изучение и предотвращение этнических конфликтов.

Таким образом, *этнографические знания* в определенной мере представлены в географическом образовании, а проблематика этнических конфликтов широко освещается в СМИ. Однако повторяю: этнографию в среде географов чаще всего отождествляют либо с междисциплинарными областями исследований (т.е. с этнополитикой), либо не отделяют ее от истории или фольклористики. Вместе с тем ядро этнографических знаний, т.е. изучение повседневной “бытовой” культуры и изменений в ней, процессов формирования групп населения со специфической культурой и осознание ими культурного своеобразия, взаимосвязь последнего с этническим самосознанием, в этой среде практически не известно.

Для СССР была *характерна* крайне низкая информированность общества, в том числе специалистов с высшим образованием, о содержании и задачах этнографии, а многие о ней, видимо, и вовсе почти ничего не слышали. В современной России, при резком росте популярности этнической проблематики и соответствующих терминов, удивительным образом сохраняется плохое знание реальной академической этнографии, так как ее место в общественном сознании образованных слоев населения (прежде всего естественно-научной и технической интеллигенции) заняли взгляды Л.Н. Гумилева или специалистов в сфере этнополитических исследований.

Теперь несколько слов о моем восприятии места и особенностей этнографии в нашей стране. При этом под этнографией понимается та область исследований, относящаяся к социальным наукам, которую также именуют этнологией, культурной или социальной антропологией, отражая тем самым различия в методологии и приоритетных задачах.

Роль этнографии в период распада СССР и в 1990-е годы резко возросла благодаря двум факторам. Во-первых, бурно развивались этнополитические исследования – здесь следует отметить изучение и урегулирование этнических конфликтов, разработку “национальной” политики и этноязыковых аспектов концепции федеративного устройства государства, иллюстрацией чего служила, например, активная деятельность Министерства по делам национальностей. Во-вторых, в 1990-е годы довольно широкое развитие получила прикладная этнология, т.е. экспертизы экономических проектов в районах расселения коренных малочисленных народов Севера и разработка законодательства и основ государственной политики по отношению к ним. Кстати, реагируя на эти изменения в признанном обществом статусе дисциплины, в 1994 г. впервые госстандарт высшего географического образования включил “этнологию”

как нормативный курс для всех студентов. Впрочем, в 2000 г. новым госстандартом этот курс был заменен на “этногеографию и географию религий”.

Реальный статус этнографии, определяемый соответствующими институтами и количеством специалистов, ныне, как и прежде, чрезвычайно низок и явно не соответствует фактическому значению и перспективам влияния этой научной дисциплины на жизнь российского общества. Поэтому основную роль в преподавании этнографии и смежных дисциплин типа “этногеографии” или в проведении экспертиз по-прежнему играют лица, не имеющие соответствующего профессионального образования. Вспомним, что если географов или историков готовят практически в каждом педагогическом вузе или классическом университете страны, то этнографических факультетов в них нет. Кроме того, в лице значительной части недавних специалистов по марксизму-ленинизму или научному коммунизму мы относительно недавно получили целую генерацию “культурологов”, которые весьма активны в деле пропаганды и распространения в качестве учебной дисциплины того, что на деле является причудливой смесью этнографии, искусствоведения, истории культуры и философии культуры. Полагаю, более целесообразным и соответствующим мировым тенденциям было бы форсированное институциональное развитие этнографии, а именно создание новых кафедр и факультетов, равно как и дальнейшее расширение исследований культуры в рамках истории и философии.

Иерархия исследовательских областей в последнее десятилетие уже устоялась и, если исходить из востребованности результатов исследований и, следовательно, перспектив получения для них дополнительного финансирования, то она видится следующим образом: 1) этнополитические разработки и исследования этнокультурных аспектов миграций населения, 2) изучение положения и обеспечения прав коренных малочисленных народов Севера, 3) изучение и противодействие этнической ксенофобии, распространение этнической толерантности. Видимо, эти приоритеты во многом, если не в основном, обусловлены финансовой политикой международных организаций или зарубежных научных фондов, преследующих собственные политические интересы. Однако, с точки зрения перспектив развития самой этнографической науки, я вижу здесь проблему в том, что из указанных приоритетных областей лишь проблематика коренных народов Севера действительно почти полностью относится к сфере этнографических знаний, тогда как первая и последняя – классические области междисциплинарных исследований, причем этнография не является ведущей дисциплиной ни в одной из них.

Наконец, *этнографический стиль работы*. У нас в стране полевые исследования имеют меньшее значение (что плохо) в сравнении с работой в архивах (в том числе с похозяйственными книгами в сельских администрациях) и с литературными источниками, т.е. отечественная этнография гораздо более “исторична”, чем западная, с точки зрения используемых источников информации. Что касается организации экспедиций, то своеобразие их заключается в довольно широком распространении коллективных выездов (с подготовкой итоговых коллективных монографий или тематических сборников). При этом основной акцент делается на маршрутных исследованиях при ограниченности, если не фактическом отсутствии, многолетних стационарных исследований. Нашим исследователям свойственны первостепенное внимание к этнической проблематике, стремление по возможности привязать все изученные явления культуры к той или иной этнической традиции, а ведь последнее, строго говоря, не должно быть обязательным условием завершения работы.